

Доступ и границы. Картографирование хипстерства

Тара Семпл

Перевод с английского *Инны Кушнareвой* под научной редакцией *Алексея Снигирова* выполнен по изданию: *Tara Sempke. Access and Boundaries — Mapping Hipsterism* // *Idem. Hipsterism: A Paradigm for Modernity*. Wiesbaden: Springer VS, 2023. P. 116–138.

Тара Семпл. Гисенский университет имени Юстуса Либиха (JLU), Германия, gcsc@gcsc.uni-giessen.de.

В данной статье проводится критический анализ явления хипстерства с точки зрения географического, материального, ментального, переживаемого и социально произведенного пространства. Исследование опирается на триадическую модель Анри Лефевра и обнаруживает в хипстерстве противоречия, выходящие за рамки первоначальной модели. Лефевр осмыслял пространство как цельную структуру, содержащую в себе три момента, которые определяли, как пространство воспринимается, задумывается и в конечном счете переживается. Однако наблюдения автора бросают вызов этой модели, раскрывая, что в пространстве хипстерства, вопреки модели Лефевра, эти измерения сливаются непоследовательно и не целостно.

Исследовательское взаимодействие с пространством хипстерства во время полевой работы включает в себя участие в наблюдении, предоставляя первичные источники восприятий переживаемых и социально произведенных измерений. Неопосредованный опыт взаимодействия с его символизмом и порядком транслировал смысл, вызывавший раздражение. В нем были выражены определенные ценности, которые тем не менее были отмечены противоречиями. Живое хипстерство представлено как область противоречий, воплощающая в себе реальные и воображаемые элементы, переплетая материализм пространственных практик с идеализмом репрезентации пространства.

Через переосмысление полевых заметок автор раскрывает явные противоречия между воспринимаемыми и «задуманными» измерениями хипстерства. Исследование материальности пространства и его осмысления выявляет расхождение, демонстрируя, что идеалистические элементы в концепции хипстерства часто не получают материальной формы. Конкретные примеры используются для пояснения этих противоречий, предлагая нюансированное понимание того, как в хипстерстве сталкиваются концепции и виды восприятия пространства.

Статья завершается рассмотрением трех практических противоречий, связанных со взаимодействием культур, отрицанием ярлыка «хипстер» и стремлением к подлинному опыту в контексте, никак не связанном с наследием или реальностью. Эти противоречия становятся ключевыми компонентами динамики хипстерства, выражая осознание проблем, в том числе и джентрификации.

Ключевые слова: *хипстерство; Анри Лефевр; концептуализация пространства; культурное взаимодействие; джентрификация; идентичность; самоидентификация.*

В этой статье хипстерские атрибуты, практики и антагонисты будут представлены вместе в пространственной форме, размеченной различными противоречиями. В работе предпринимается попытка структурировать хипстерство как географическое и материальное пространство, а также как ментальное и социально сконструированное пространство. Эта триада, хотя и позаимствованная у Анри Лефевра¹, покажет, что в хипстерстве отразились противоречия, которых могло и не быть в его времена. Лефевр концептуализировал пространство как последовательную модель с тремя указанными выше измерениями и показал, как оно воспринимается, задумывается и в конечном счете переживается. Эти измерения не разделены между собой, но скорее являются аспектами одного и того же пространства. Анализ, проведенный в рамках данного исследования, показал, что в пространстве хипстерства они соединяются непоследовательно и не целостно, как можно было бы ожидать, глядя из перспективы, предложенной Лефевром.

Мой опыт пространства, возникший во время полевой работы, был получен благодаря включенному наблюдению. Я имела дело с переживаемым и социально сконструированным пространством. Неопосредованный опыт взаимодействия с его символизмом и порядком транслировал смысл, вызывавший раздражение. В нем были выражены определенные ценности, которые тем не менее были отмечены противоречиями. Переживаемое хипстерство отражает противоречия, потому что оно одновременно носит реальный и воображаемый характер, соединяет материальность духовных практик с идеализмом репрезентации пространства.

После того как я перечитала и проанализировала полевые заметки и определила два других аспекта пространства, его материальность и его концепцию, противоречия, отмеченные в моем исследовательском дневнике, смогли стать более эксплицитными. Основываясь на отдельных примерах, мы увидим, что концепция хипстерства включает множество идеалистических (в терминах Лефевра — «задуманных») элементов, которые отнюдь не всегда получают материальную форму. В данной работе будет показано, как придуманное и мыслимое пространства вступают в противоречие друг с другом.

1. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.

Я начну с описания пространственной практики и того, как конкретно производится физическая форма, как она генерируется и используется материально. Здесь пространственная практика будет описываться в свете теории Лефевра. Она будет отображена через процесс географического ограничения, проделанного в ходе исследования. Это наблюдение содержит в себе первое противоречие: *красочности* района, характеризующегося разнообразием культур и этничностей (так это пространство представляется в категориях Лефевра), придается большая ценность, но при этом в пространственной практике не возникает долгосрочного взаимодействия или дружбы между различными культурами.

Еще одно противоречие — отрицание ярлыка «хипстер» и имплицитная критика механизма отличия, выражающаяся в неловкости и смущении, которые вызываются подчеркивающими его практиками, но при этом вовлеченность в эти практики и в формирование среды. Все это прекрасно сочетается с желанием того, чтобы другие люди присоединялись к определенным практикам, например, к вегетарианству.

Третье противоречие — стремление к тому, чтобы переживать подлинный опыт, но в такой сфере, которая не имеет ничего общего с вашим прежним опытом или реальностью. Это стремление тоже может истолковываться как противоречие, отражающее осознание респондентами того, что эта динамика имеет свои проблемы, олицетворением которых является джентрификация.

Сузить хипстерство — «пестрый» Кройцкёльн

Я начну с описания пространственной практики, — того, как конкретно производится физическая форма и как она материально генерируется и используется. Для этого границы исследования были географически сужены. <...>

В 2015 году, когда я занималась подготовкой своей магистерской диссертации, я неоднократно слышала, что мне придется поехать в Берлин.

И в конце концов я отправилась туда на поиски того, что обозначалось в качестве хипстерского. Вопрос, в котором я хотела разобраться в ходе этих исследований: почему хипстеры хотят жить именно в Берлине? Респонденты, с которыми я встречалась, съехались со всего мира. Я спрашивала их, что привело их в Берлин, и среди других причин указывалось, например, то, что в Берлине легче быть

веганом. Так, один из моих респондентов приехал из Южной Англии и рассказал мне, как он пытался там быть веганом, но «это была паршивая жизнь». <...> В любом случае терпимость к различным стилям жизни и легкость, с которой их можно практиковать, часто упоминались в качестве причин для переезда в Берлин.

Другой респондент заявил в разговоре со мной, что, «если ты гей, у тебя есть веская причина приехать в Берлин», по-видимому, апеллируя к долгой истории борьбы за права геев и к наличию районов, в которых селятся представители ■■■■■+.

После первой подготовительной фазы, множества разговоров и изучения блогов о стиле жизни я сузила Берлин до одного района Нойкёльн, граничащего с Кройцбергом. Кройцберг мне описывали как бывший хипстерский район, подвергшийся массивированной джентрификации. Нойкёльн все еще был «подлинным». Та часть Нойкёльна, которая непосредственно примыкала к Кройцбергу, называлась Кройцкёльн.

В разговорах об этом районе часто упоминался фактор подлинности и мультикультурализма. Нойкёльн — «пестрый», и это делает его привлекательным. Концепция мультикультурализма не просто упоминается, она также визуально рекламируется во многих местах, в том числе общественных, таких как молодежные центры или правительственные здания, привлекающие внимание к этому факту, как можно видеть на рисунке 1. На нем представлена скульптура лягушки перед зданием муниципального молодежного центра. Лягушка раскрашена в разные цвета, а лозунг гласит: *Berlin bleibt bunt*, «Берлин остается пестрым». Это послание материально передано в скульптурной форме, но в то же время в нем есть концептуальная сторона. Концепция пестрого Берлина производится здесь ментально, являясь фактом воображаемого порядка...

Другие примеры концептуализации пространства в высказываниях и в представлениях респондентов включают идею о том, что Берлин — безопасное пространство для всех, у кого есть мечты и надежды и кто не хочет, чтобы над ним насмехались. Принятие чужой подлинности делает Берлин привлекательным местом для жизни.

На подготовительной стадии я продолжала сужать географию моего исследования, спрашивая отдельных людей о том, где можно найти хипстеров. В итоге я поселилась на улице, связывающей параллельные улицы Зонненаллее и Везерштрассе.

РИСУНОК 1. Молодежный центр на Везерштрассе

Разобравшись с концептуализацией Кройцкёльна как пестрого пространства, я начала воспринимать это пространство в его материальности. Итак, что же физически в нем происходит? как это пространство используется? что мы можем здесь увидеть?

Когда я наблюдала за пространственной практикой на самом раннем этапе работы, мне было трудно найти в этом районе кого-то, кого можно назвать хипстером. К счастью, моя подруга Анна, которую я знала еще до начала исследования, также жила в Берлине и только что переехала в этот район. Ей было 23 года, она родилась и выросла в Берлине и изучала компьютерные науки.

Следующий отрывок показывает мои впечатления от нашего общения:

Я сказала своей подруге Анне, которая тоже живет в Нойкёльне, что не понимаю, почему этот район называют хипстерским в интернете и в различных блогах. «Для меня он больше похож на арабский район, и мне нравится, что я могу найти здесь все свои иранские товары. До того как я перебралась в Берлин, их было непросто найти. Вся Зонненаллее, «модное место», как мне сказали, полна несетевых хипстерских кофеен, но доминируют в ней по-прежнему разноцветные шиша-чайные, арабские халяльные мясные лавки, сирийские рестораны, фалафельные и супермаркеты с инструментами для афропричесок и азиатской или ближневосточной едой.

Полевой дневник, весна 2016 года

В качестве остановки после длинного и порой непростого путешествия Зонненаллее — это первое безопасное место для множества иммигрантов, приезжающих в Берлин. В этот район стекаются беженцы со всего арабского мира, но особенно из Сирии, с тех пор как там началась война. В этом районе полно знакомых культурных центров, например, школ по изучению Корана или мечетей. Ясно, что иммигрантов привлекает сосредоточение магазинов, чьи владельцы говорят на их языке и продают товары из их родных стран, ощущение безопасности, возникающее в обстановке, которая кажется знакомой. Как можно увидеть на фото, многие вывески написаны по-арабски, при этом они часто не переведены на немецкий язык (рис. 2).

А вот причины, по которым в район Нойкёльн перебирается креативная молодежь, не столь ясны. Все объяснения, которые я слышала, перекликаются с объяснениями, которые можно услышать от мигрантов: «Это безопасный район», «Здесь можно мечтать», «Здесь легче быть подлинным».

Анна, — упоминавшаяся выше в полевом дневнике уроженка Берлина, — показала мне Везерштрассе и сказала, что именно эту улицу люди обычно имеют в виду, когда говорят, что Нойкёльн — хипстерский район, и что она так и называется — «хипстерская улица». Анна сказала: «Здесь хипстеры вылезают из своих нор», — как будто они прячутся, как мыши. Как и на улицах, параллельных Зонненаллее, на Везерштрассе много арт-галерей, тату-салонов, независимых дизайнеров одежды, книжных магазинов, кофеен и т. д. Находясь в непосредственной близости друг от друга, вместе с несколькими другими улицами, которые их соединяют, они, собственно, и образуют район, называемый Кройцкёльном. Везерштрассе образует рядом с пестрой Зонненаллее пространство, удовлетворяющее воображаемые нужды хипстеров, как будто подражая тому, как Зонненаллее удовлетворяет реальные нужды беженцев. Здесь аккумулируются элементы креативности, минимализма, а также (западных) представлений о духовности в стиле нью-эйдж, осознанного и экологического потребления. На этой улице есть рестораны и кофейни с органической едой, веганской выпечкой и спешелти-кофе — всего в нескольких сотнях метров от халяльных мясных лавок Зонненаллее.

РИСУНОК 2. Пекарня и ресторан на Зонненаллее

В дискурсе хипстерства разнообразие и мультикультурализм играют важную роль. Этот район — эпицентр хипстерской сцены, по крайней мере судя по тому, что говорят о Везерштрассе. Одна из кофеен на Везерштрассе называется *K-Fetish*, это кафе с желтой вывеской справа на рисунке 4. Мне сказали, что это название означает *Kollektiv-Fetishismus* — фетишизация работы в коллективе. Стены кафе украшены плакатами с лозунгами вроде «Борись с патриархатом», там также проводятся феминистские и антифашистские мероприятия. Свою модель солидарности они пропагандируют тем, что делят друг с другом всю работу. Кроме того, интересно отметить, что в кафе висели плакаты «Добро пожаловать, беженцы» и «Нацистам здесь не место» (рис. 3) на турецком языке, выражавшие солидарность с мигрантами турецкого происхождения. На рисунке 4 также показан бар с лозунгом «Ни границ, ни наций» (слева): в нем выражается решительная антинационалистическая позиция.

Многие респонденты говорили, что любят этот район за то, что он «красочный», или «мультикультурный», или «подлинный». Я, однако, усомнилась в этом, когда поняла, что реального пересечения между местными хипстерами и мигрантами не наблюдалось. Я ни разу не видела никого в хиджабе в хипстерской кофейне или магазине, хотя на улицах было очень много людей, носивших подобные знаки своей веры.

РИСУНОК 3. Знак «Нацистам здесь не место», который можно часто встретить в Кройцкёльне: в данном случае этот стикер висит на витрине копировальной мастерской

РИСУНОК 4. На Везерштрассе: кафе K-Fetish справа и бар слева

Роберт Парк пишет, что, если мы хотим понаблюдать за каким-то местом проживания, один из первых вопросов, которые мы должны себе задать, — в чем заключается индивидуальность этого района, включая его жителей².

2. Парк Р. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде//Избранные очерки. М.: ИНИОН, 2011.

Хипстеры—это определенная социальная среда, состоящая в основном из молодежи и проявляющая жажду творчества, о которой писал Андреас Реквиц³. Однако какое влияние эта среда, так подчеркивающая свою солидарность, оказывает на жизнь соседей-мигрантов? Находит ли концептуализация Кройцкёльна как мультикультурного пространства, разрушающего национальные границы, материальное выражение в пространственных практиках? По всей видимости, нет.

Однако прежде чем мы перейдем к более глубоким размышлениям о материальном выражении этой концепции, необходимо взглянуть на процесс джентрификации и его причины в данном конкретном случае. Район Кройцкёльн предлагает мигрантам множество возможностей сохранять свою культуру. На улице, соединяющей Зонненаллее и Везерштрассе, располагался исламский культурно-образовательный центр, предлагавший уроки арабского языка и изучение Корана для детей и юношества (рис. 5).

Как уже отмечалось, в этом районе расположено много супермаркетов и бизнесов, предлагавших, к примеру, свадьбы по мусульманскому обряду. Когда я искала там квартиру, я поняла, насколько высоки там арендные ставки, и люди снова и снова говорили мне о том, что здесь очень трудно найти дешевое жилье и что стоимость аренды за последнее время сильно выросла. Тем не менее Нойкёльн продолжает считаться рабочим районом.

Очень важно понять, как и почему этот район привлекает молодую обеспеченную и образованную группу населения, поскольку именно их выбор и превратил типичный густонаселенный рабочий район, в котором живут в основном иммигранты, в хипстерскую зону.

Один распространенный нарратив предлагает следующую логику для объяснения этого явления⁴. Молодые выпускники университетов из обеспеченных семей переезжают в бедные районы. За ними следуют кофейни и модные бутики, вытесняющие старые магазины. По этой версии, но-

3. Reckwitz A. Die Erfindung der Kreativität. B.: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 2014.

4. White G. The G Word: Gentrification and Its Many Meanings//The Atlantic. 25.05.2015. URL: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2015/05/the-g-word-gentrification-and-its-many-meanings/394016/>; Carroll R. Hipster-bashing in California: Angry Residents Fight Back Against Gentrification//The Guardian. 23.08.2018. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jul/28/california-anti-gentrification-hipster-yuppie>.

РИСУНОК 5. Исламский культурно-образовательный центр

вые жители приезжают в эти районы, потому что они недороги и удобно расположены. Вскоре после этого за ними устремляются девелоперы с риелторами, и ставки аренды резко возрастают. Этот нарратив возник из опыта таких городов, как Нью-Йорк, где рост населения значительно превышает имеющийся жилой фонд и где в конечном счете все районы меняются, а ставки аренды вырастают непропорционально высоко, — главным образом из-за богатых новых жителей.

Этот нарратив излагается и Дэниелом Херцем в социальном комментарии о джентрификации и недовольстве, которое она вызывает:

Частично то, что многих людей так раздражает или пугает — в зависимости от того, что у них поставлено на карту, — в отношении к вертикально мобильной молодежи, переезжающей в рабочие районы города, — это ее легкомыслие, чувство беззаботности, которое она несет. В этой истории сообщества и социальные сети, выстраивавшиеся поколениями, уступают место модным барам и двадцатилетним юнцам, которые съезжают после нескольких лет аренды, переезжая из одного района в другой (а может быть, и вовсе уезжая из города), как только

у них в жизни происходит какое-то событие: постоянная работа, брак, рождение детей⁵.

В ходе моего наблюдения от меня не укрылась злая ироничность этой ситуации: молодые и творческие личности переезжали в Нойкёльн, открывали кафе и вывешивали лозунги «Добро пожаловать, мигранты», хотя сам этот процесс приводил к такому росту арендных ставок, что беженцы не могли больше себе позволить снимать квартиры в этом районе. Вопрос, встающий в дискурсах о джентрификации: почему образованная творческая молодежь, — которая когда-то могла селиться в более зажиточных районах города, — переезжает в бедные районы, считающиеся предназначенными для рабочего класса?

В качестве причины переезда часто указывают возможность снизить расходы на жилье. Население, перебирающееся в бедные районы, в которых живут меньшинства, имеет образование, но более высокую заработную плату обычно съедает рост цен на жилье⁶. Однако, как рассказали мои респонденты, они переехали в такие районы не из-за более дешевого жилья, а наоборот, чтобы жить там, даже несмотря на высокую стоимость аренды. Это отражается в таких высказываниях, как: «Он живет на Зонненалее, — там, где все хотят жить» или «Это модное место».

Многие авторы подчеркивают роль молодежи в джентрификации. Однако движущие силы джентрификации располагаются на разных уровнях и порой слишком сложны, чтобы их можно было свести к указанным доводам. Среди них государственная политика и инвестиции, рост расовой терпимости иди даже такие тенденции, как желание жить в более модном или заметном районе⁷.

Некоторые авторы предлагают в числе других такое объяснение: эти молодые люди хотят, чтобы о них думали, что они выбирают заметные или модные места для жизни только из соображений моды⁸. Хотя в цели моего исследования о хипстерстве не входило объяснять, как развивается этот тренд и что он может поведать нам о джентрифи-

5. Hertz D. K. Why Do We Continue To Be Surprised By Gentrification? // Belt Magazine. 23.08.2018. URL: <https://beltmag.com/surprised-by-gentrification/>.

6. Hyra D. Commentary: Causes and Consequences of Gentrification and the Future of Equitable Development Policy // Cityscape: A Journal of Policy Development and Research. 2016. Vol. 18. № 3. URL: <https://www.jstor.org/stable/26328279>.

7. Ibidem.

8. Ibidem.

кации, мои наблюдения дают некоторые гипотезы о том, почему бедные районы вроде Нойкёльна стали модными и популярными в отличие от других рабочих районов, но для этого потребуется более углубленное исследование этого вопроса.

В этом контексте целесообразно вернуться к изучению того, почему тот или иной район описывается как привлекательный. Мои респонденты использовали такие слова, как «реальный» и «подлинный».

Он живет на Зонненаллее, где, как мне сказали, «все хотят жить». Когда я спрашиваю почему, в ответах часто упоминаются «подлинный» и «реальный». Я совершенно не понимаю, как столько мигрантов, приехавших из совсем других мест, не таких как ваше, делают это место подлинным именно для вас.

Полевой дневник, весна 2016 года

Подлинность часто связывается с жизнью, независимой от сложившихся культурных норм. В контексте контркультур Запада подлинная жизнь — это возможность протестовать против ценностей окружающего общества в поведенческом или идеологическом смысле. Обычно существует тесная связь между аутентичностью и реальностью, в данном типе дискурса это взаимозаменяемые понятия. Фальшь, противопоставленная реальности, может ассоциироваться не только с неподлинностью, но и с теми, кто себя «продал системе» и коммерциализировался. В разговорах, которым я была свидетелем, все эти аргументы подвергались критике.

Могло создаться впечатление, что любовь респондентов к таким районам, как Кройцкёльн, происходит из их любви к маленьким некоммерческим хипстерским кафе, независимым книжным магазинам и галереям. Однако их попытки контактировать и взаимодействовать с другими группами населения и особенно с мигрантами, пусть и малоуспешные, все равно могут считаться поддержкой культурного разнообразия. Как мне показалось, они очень ценили мигрантов. Даже если интеракции с ними были сведены к минимуму, «пестрота» Кройцкёльна всегда упоминалась в контексте разговора о подлинности. Мои респонденты подчеркивали, что им нравится закупаться в этнических магазинах, что шиша-бары с расставленными

на улице столами и курением кальянов аутентичны и т. д. Они ходили к арабским продавцам фалафеля не реже, чем в хипстерские веганские кафе.

Эта высокая оценка была частично перенесена на кинотеатр *Wolf*, открывшийся на Везерштрассе в то время, когда я занималась подготовительными исследованиями в 2016 году. Его работа стала возможной благодаря коллективному финансированию, и как кинотеатр, показывающий много фильмов на иностранных языках, в том числе на фарси и арабском, он привлекает моих респондентов и демонстрирует их интерес к зарубежным фильмам и уважение к культурам других жителей, населяющих их район.

Если подлинность ассоциируется с беженцами, мигрантами и интернациональной культурой и означает некомформность и верность себе, то фактор джентрификации мог стать результатом приверженности моих респондентов к населению, которое отличается от большинства. Поэтому любовь к такого рода районам может означать стремление жить среди тех, кто кажется более подлинным и реальным, не только потому, что менее привилегирован, но и потому, что не приспособливается к окружению и не подстраивается под социальное большинство. Эти люди так или иначе сохраняют свою культуру и свой язык. Возможно, именно проявление такого типа подлинности делает район популярным в хипстерской среде.

Тем не менее это не приводит к взаимодействию или пересечениям между хипстерским населением и мигрантами. После размышлений о себе и моем собственном поведении я стала лучше понимать некоторые препятствия, возникающие на этом пути.

Во время моего полевого исследования я часто ходила по району и фотографировала. Там была одна семья, жившая в маленькой квартире на Везерштрассе. Они приехали из Сирии и жили в Берлине уже пять лет. Одной из дочерей очень понравился мой фотоаппарат, и она попросила дать ей его на время. Она сделала много снимков. Я не чувствовала никаких границ (воображаемых или реальных), которые бы мешали мне подружиться с этой семьей. В своем дневнике я описала это как настоящую, хотя и случайную, дружбу, разительно отличавшуюся от того, на что мне пришлось пойти, чтобы проникнуть в хипстерские пространства (для этого нужно было частично подстроиться и преодолеть множество трудностей).

Во время моего пребывания в Нойкёльне я подружилась с семьей из Сирии. Зонненаллее, где «все хотят жить», по-прежнему усыпана арабскими лавками, явно преобладающими над несетевыми хипстерскими кафе, в которых висят странные напоминания о проращивании семян и задирают цены. Я хожу за покупками на Зонненаллее, мне нравятся восточные супермаркеты с персидскими товарами, которых мне не хватало в моем старом студенческом городке, и то, что отношения здесь складываются естественно.

Поначалу мне казалось, что у меня нет ничего общего с хипстерами. Только минимум: географически я живу в том же районе. А хипстеры говорят, что им здесь нравится, «потому что все такое красочное». Однако ни у одного из тех, за кем я наблюдала, не было реальных отношений с кем-то, кто здесь идентифицируется как настоящий иностранец. <...>

Я лично влюбилась в этот район на втором этапе исследования. Здесь я покупала себе персидскую еду, и вокруг меня было много людей, говорящих по-арабски, с которыми, как мне казалось, я разделяла общую культуру. В то же время тут есть хипстерские студенческие бары и много веганских ресторанов здорового питания.

Полевой дневник, весна 2017 года

Хотя географически эта зона представляет специфический срез процесса джентрификации, и я тоже вносила в него свой вклад, я идентифицировалась со многими мигрантами вокруг меня. У меня есть лишь опыт мигранта второго поколения, и я выросла со всеми удобствами и привилегиями гражданина европейской страны. Тем не менее то, что я дочь религиозных беженцев, сблизило меня с этой семьей и создало много возможностей для дружбы. Я помогала детям с домашней работой и внешкольными занятиями. Дружба продолжалась и после того, как я закончила свое исследование, до тех самых пор, пока я окончательно не уехала из Берлина. Мне ни разу не удалось завязать дружбу с кем-то из хипстерской среды с такой же легкостью. Более того, мало-помалу в ходе исследований и размышлений я осознала, что никто из моих респондентов из хипстерского круга по-настоящему не подружился ни с кем из мигрантов.

Можно избежать превращения дружбы в слепое пятно для исследователя, если над ней постоянно рефлексии-

ровать. Она может даже поддержать процесс исследования и дополнить данные. В ходе самоанализа я поняла, что завязать дружбу с этой местной семьей мне было гораздо легче, чем вписаться в хипстерское окружение.

В хипстерской среде мне пришлось преодолевать множество препятствий. Поэтому я начала внимательно присматриваться к собственной адаптации к полю, особенно к тому, что я делала, чтобы меня хорошо принимали в хипстерских кофейнях и галереях. Но по контрасту с той легкостью, с которой установились отношения с этой семьей, стало понятно, что дружеские отношения, возникающие внутри хипстерской среды, играют большую роль, — что осознается особенно сильно тогда, когда они не возникают. Я старалась постоянно отмечать возникавшие неловкие или неудобные моменты в хипстерских пространствах. Я начала анализировать случаи, когда отступала от социального ритуала, так что это вызывало подозрения или бросалось в глаза, как это описывается у Парка⁹. Это описание может разметить границы хипстерства. В следующей записи из полевого дневника я размышляю об отношениях с другой моей подругой, Зарой, бежавшей вместе с мужем из Афганистана, и с Деннисом, композитором, с которым мы иногда беседовали об исламофобии и толерантности.

Деннис настаивает на толерантности и принятии новых культур и других ценностей, на том, что мы должны ставить под вопрос свою систему убеждений, особенно на Западе, но он морщится, когда я рассказываю ему о культуре Зары, требующей, чтобы она спрашивала разрешение у мужа, когда встречается со мной. А также о том, что он всегда спрашивает, будут ли там другие мужчины. Сегодня я сказала Деннису, что мне нравится дружить с такими разными людьми, принадлежащим разным культурам, но мне порой трудно принимать нормы их культуры, потому что она оказывается для меня слишком чужой. Деннис не знал, что сказать. Я знаю, что лучше понимаю Зару, потому что, в отличие от Денниса, близко знакома с ней. У нас много общего, я люблю ее культуру гостеприимства, ее глубокое уважение к семейным узам. Мы готовим одну и ту же еду.

9. Парк Р. Указ. соч. С. 26.

Единственное общее между нею и Деннисом — это, по-видимому, я.
Полевой дневник, лето 2017 года

То, что у меня есть что-то общее с Зарой, помогает мне построить с ней отношения, несмотря на вещи, которые я не приемлю в политическом и личном измерениях. Для Денниса же этот разговор превосходит его возможности поддерживать общение на эти темы. Его неспособность в нем участвовать говорит о том, что у него нет опыта общения ни с кем, кто был бы настолько далек от его собственной культуры. Он не может соотнестись с тем, что я рассказываю, и из-за этого возникают молчание и неловкость. Это еще один пример того, как концепции принятия и терпимости, а также лозунги вроде «Добро пожаловать, беженцы!» и «Ни границ, ни наций» могут не найти материального выражения в реальной практике. Как Деннис, выступающий против моногамных отношений и считающий, что ставит под сомнение общественные нормы тем, что придерживается «свободной любви», может строить отношения с человеком вроде Зары? Дело не в стереотипах и не в резких контрастах между ними. В каком-то смысле у Денниса и Зары много общего. Но этот факт никак не проявляется на практике.

Кафе могут быть увешаны плакатами «Добро пожаловать, беженцы», но беженцы, к которым они обращены, не чувствуют себя в них желанными гостями. Ни Зара, ни семья с Везерштрассе, с которой я подружилась, не видят смысла в том, чтобы так много платить за чашку кофе, который они могут сами сварить у себя дома.

Можно сделать вывод, что пространственные практики показали материальные аспекты и трудности в культурных отношениях между разными средами. Однако от практики их использования осталось впечатление, что они очень характерны для большого города, как его описывает Парк: встречаются и друг с другом смешиваются люди, не обязательно понимающие друг друга, так что ежедневно «сталкивающиеся локтями люди живут при этом в совершенно разных мирах»¹⁰.

Тогда как может интерпретироваться практика вывешивания соответствующих плакатов и словесное выражение солидарности? Возможно, эти акты солидарности выража-

10. Там же. С. 38.

ют имплицитное понимание того, что на месте хипстерской мечты складывается закрытая среда, формированию которой стоит хотя бы попытаться помешать. Даже если эта попытка безуспешна как пространственная практика, ее все равно следует воспринимать всерьез как сознательное стремление преодолеть разделения и формирование закрытой среды в районе, который по факту является культурно разнообразным.

Навешивание ярлыков, отличие и имплицитная критика. Неловкая история

Мой опыт наблюдения за практиками и автонарративами хипстеров показывает, что их индивидуализм и следование моде не так важны, как это может показаться из постов и дискуссий на эту тему в медиа. Напротив, сами респонденты часто осознают эти внешние оценки как навешивание ярлыков и отрицают принадлежность к какой-либо группе. В то же время они активно занимаются практиками, которые могут побудить других людей называть их хипстерами, и не готовы это менять.

Тем не менее характерная репрезентация в медиа оказывает давление на любого, кто ведет подобный образ жизни или посещает данные пространства, из чего рождается противоречие: индивид отвергает ярлык, но эксплицитно одевается и ведет себя в соответствии с ним. Само отрицание ярлыка также представляет собой категоризацию. Любые попытки категоризировать хипстерство должны учитывать необходимость отрефлексировать механизм приписывания определенной идентичности.

Хипстеров часто изображают негативно (см. рис. 6), как людей, слишком чувствительно относящихся к политическим проблемам, их часто называют «воинами социальной справедливости» (*social justice warrior, SJW*). Эта картинка — мем, юмористическое изображение, сопровождаемое текстом, которое очень быстро расходуется по интернету. «Воины социальной справедливости» — презрительное определение людей, возмущающихся расизмом, сексизмом, гомофобией и прочими формами угнетения.

Идеальные типы, именуемые «воинами социальной справедливости» и «хипстерами», часто изображаются очень похожим образом в социальных сетях, — таких как

*Reddit, Facebook*¹¹ и *9gag*. Изображение, выбранное в качестве иллюстрации для петиции, — только один пример портрета «воинов социальной справедливости» с модными на тот момент хипстерскими символами, такими как короткая челка и прозрачные очки в круглой оправе. Это один из многих примеров того, как хипстеров и «воинов социальной справедливости» изображают в социальных медиа, демонстрируя ироническое отношение к ним и к тому, за что они выступают.

Рисунок 6 взят из онлайн-петиции с требованием убрать «воинов социальной справедливости» из популярной соцсети *Tumblr*. Хотя из этого поста неясно, кто именно имеется в виду, петиция требует удалить их аккаунты с сайта. Это означало бы, что они больше не смогут делать посты на этой платформе. Едва ли такое возможно, поскольку это ярлык, который сконструировали другие, а не нечто позитивное, с чем можно идентифицироваться. Этот ярлык используется, только чтобы критиковать или издеваться над другими. Сама же петиция может быть истолкована как шутливая попытка показать, как много людей осуждают «воинов социальной справедливости», часто получающих этот титул за то, что постят высказывания, направленные против угнетения. Это один из многих примеров того, что интернет-пользователи считают хипстеров или «воинов социальной справедливости» слишком «чувствительными» и политически ангажированными.

Девушка на рисунке 6 изображена не просто как хипстерша, там есть подпись: «Меня триггернуло». Здесь обыгрывается так называемое предупреждение о триггерах. Обычно такие предупреждения размещаются в начале какого-либо материала (видео, текстов, изображений) в интернете, их цель — предупредить о том, что материал может вызвать у аудитории неприятные чувства. Особенно это касается материалов, содержащих упоминания домашнего насилия, насилия вообще или похожий контент, который может психологически ранить или причинить боль тем, кто пережил травму и не хочет сталкиваться с подобным контентом.

11. Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

РИСУНОК 6. Рисунок из петиции, требующей убрать SJW из интернета (анонимный автор, 2017)

Хотя ведутся серьезные споры о том, полезны ли подобные предупреждения травмированным людям¹², в данном случае такого рода дисклеймер используется в шутку, в насмешку над слишком ранимыми людьми. На этом рисунке, как и в других шутках, циркулирующих по популярным социальным медиа и платформам, «триггернуться» и «обидеться» — взаимозаменяемые выражения. Хипстеры изображаются как крайне ранимые и обидчивые люди, которых очень многое может задеть. Еще одно высказывание, услышанное в поле, в негативном свете представило стремление к толерантности. Студентка говорила о своем соседе по квартире, считавшемся хипстером. Она раздраженно жаловалась на то, что он идентифицировал себя в качестве гетеросексуального мужчины, но по-прежнему имел только гомо [REDACTED] контакты.

«Сейчас у хипстеров модно быть би [REDACTED] или еще каким-то. Каждый раз, когда мы куда-то ходим, он знакомится с парнями. Но я думаю, что он считается гетеросексуалом. Ты же знаешь, как это у хипстеров — всегда нужно показывать, какие они толерантные и открытые». Она изобразила руками кавычки, говоря слово «толерантный».

Полевой дневник, лето 2017 года

12. *Sanson M. et al. Trigger Warnings Are Trivially Helpful at Reducing Negative Affect, Intrusive Thoughts, and Avoidance//Clinical Psychological Science. 2019. Vol. 7. № 4. P. 778–793.*

Хотя это высказывание очень похоже на необоснованный вывод, подобные ярлыки и действия постоянно оказываются в центре обсуждения. В данном случае досада вызвана убежденностью в том, что иметь сексуальные отношения с другими мужчинами, называя себя гетеросексуалом, — слишком сложное выражение толерантности.

Суть критики, разворачивающейся на разных социальных платформах, сводится к тому, что хипстеры лицемерны и что все их практики сводятся к механизму производства отличия. Еще одно высказывание в этом духе я услышала в кафе в ответ на мой рассказ о том, что я изучаю практики хипстерства: «Хипстеры просто стараются быть модными».

Ценность, которой они наделяют культурное разнообразие, а также чувствительность к различным культурным проблемам, таким как гомо [REDACTED], духовные практики, пищевые предпочтения и т. д., изображаются другими людьми в негативном свете. Это интересно, поскольку тенденции, проявленные моими респондентами, воспринимаются в социальных и других медиа не как позитивные или модные, а как негативные, — неискренние или лицемерные. Раз эти практики изображаются в негативном свете, значит, респонденты все-таки совершают нечто сознательно, даже если не получают от этого выгоду, если следовать пониманию моды у Георга Зиммеля¹³ или культурного капитала у Пьера Бурдьё¹⁴. Если респонденты продолжают вести себя так, хотя и подвергаются насмешкам, мы можем сделать вывод, что они имеют определенную внутреннюю мотивацию, индивидуальную или связанную с групповыми нормами.

Тем не менее они очень активно отрекаться от ярлыка «хипстер». Мой респондент очень разозлился, когда я упомянула хипстерство, объяснив, что:

...хипстер — это глупое слово, которым бросаются просто так, чтобы не воспринимать людей и их жизнь всерьез.

Заметки по ходу разговоров, лето 2016 года

13. Зиммель Г. Мода // Избранное: В 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 1996.

14. Bourdieu P. Die feinen Unterschiede: Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. В.: Suhrkamp, 2012.

Отказ идентифицировать себя в качестве хипстеров показывает имплицитное осознание того, что процессы именования и конструирования отличий проблематичны. Хипстеры не критикуют содержание этого термина, им не нравится сам акт его навешивания. Кроме этого, подобное осознание проявляется, когда выявляются границы этой среды.

Границы среды, — то, где хипстерство начинается и заканчивается, — могут быть намечены через картографирование поля хипстерства: если взглянуть на то, как можно получить доступ в это поле и какие на этом пути встречаются препятствия. Фундаментальное значение в данном случае имеют рефлексия и наблюдение за собственной практикой проникновения и встраивания в среду. Границы наблюдения особенно важны для определения моей собственной позиции исследователя и помогают дать более глубокое понимание поля.

Один из самых неловких моментов, которые у меня возникли при картографировании хипстерского пространства, случился из-за того, что я не знала о существовании и значении «Сохо-Хауса». Это закрытый клуб, разрешавший своим членам приводить двух друзей за один раз, например, чтобы вместе поужинать. В следующем отрывке Дженни и Томас спрашивают группу друзей, кто хочет пойти с ними на ужин в «Сохо-Хаус». Как только они задали этот вопрос, воцарилось молчание.

Какое-то время никто не реагировал, и я спросила, что такое «Сохо-Хаус». Дженни и Томас, несколько смутившись, объяснили, что это закрытый клуб, в котором могут ужинать только его члены, но членство есть только у Дженни и то потому, что там хорошая и дешевая студия йоги. Платишь 50 евро в месяц и можешь посещать курсы, Дженни особенно нравится йога. Место, по их мнению, замечательное, но немного сомнительное и критикуется за свою политику эксклюзивности. Дженни почти извинялась за это.

Полевой дневник, весна 2016 года

Когда я спросила, что такое «Сохо-Хаус», в разговоре возникла неловкость, потому что все знали, что это такое и как это работает. Но момент был неловким не только для меня. Когда Дженни приглашала друзей, никто не ответил сразу предположительно из-за того, что клуб крайне эксклюзив-

ный и из всей группы предложение могут принять только два человека. Дженни отвечает на мой вопрос, а также объясняет, что вступила в клуб только из-за студии йоги, потому что она хорошая и дешевая. Она объясняет это так, как будто извиняется. Она также отмечает, что место эксклюзивное. При этом она понимает, что это противоречит их идеалам. Оправдываясь и объясняясь, Дженни подтверждает ценностную рамку, направленную строго против эксклюзивности и всего, связанного с групповой идентичностью или отличиями. Я прошу ее подробнее рассказать о политике «Сохо-Хауса» и о том, как можно в него вступить. Именно это ее смущает, и в ходе объяснения она явно чувствует неловкость.

Нужно подать заявление, это означает, что придется объяснять, чем ты занимаешься и какой креативный вклад можешь внести, поскольку главная цель клуба — знакомства и установление связей. Кроме того, среди членов есть знаменитости, и они хотя бы быть уверенными, что ты «нормальный» и не будешь заниматься сталкингом. Пользование камерами и телефонами запрещено. Также двое членов клуба должны написать тебе что-то вроде рекомендации.

Одна из подруг Дженни тоже хотела вступить в клуб, так что Дженни спросила у подруги, которая дала рекомендацию ей самой, не может ли она также написать рекомендацию для той, что хотела вступить. Ее подруга сначала хотела встретиться с «соискательницей» за чашкой кофе. «Проверить, достаточно ли она крутая?» — спросила я. Дженни смущенно рассмеялась и сказала: «Да, это ужасно, но она должна убедиться, что не рекомендует случайного человека». Я не спросила, какие могут быть последствия, если она «рекомендует случайного человека», но уверена, что это могла быть лишь социальная стигматизация, а не какие-то серьезные последствия. Это было похоже на кантри-клуб для хипстеров.

Полевой дневник, весна 2016 года

Те же самые правила знакомства, которые применимы к группе друзей, неприменимы ко мне, поскольку для меня целью не является знакомство с важными или знаменитыми людьми, которые вам помогут и познакомят с другими креативными людьми. В этом случае моя неосведомленность о таких

местах — знак того, что у меня не получается вписаться в среду или стать хипстером. Дженни объясняет положение своей подруги, которая хочет вступить в клуб и которой нужна рекомендация, смущенно и неохотно. Мое замечание, что ее подруга хочет встретиться с соискательницей за кофе, чтобы «проверить, достаточно ли она крутая», сделало эксплицитными эксклюзивность и практики формирования закрытой среды и вызвало еще большую неловкость.

Одна я в тот вечер согласилась пойти с ними, два из трех мест так и остались свободными. Дженни дала мне брошюру с правилами, которую она получила при вступлении в клуб.

Исходная точка размышлений привела к наблюдению за стратегиями, которые не должны считаться «случайными». Первая из них — знание о подобных местах, демонстрирующее хороший вкус и бесспорный культурный капитал. Когда я отправилась в «Сохо-Хаус», Дженни дала мне свод правил. Я проанализировала свои стратегии, сознавая, что не хочу поставить ее в неловкое положение. Эти правила представляют особый интерес, поскольку в них делаются попытки сделать эксплицитными неформальные нормы и правила, которым должны следовать молодые креативные горожане.

В этом своде правил объясняется, что нельзя делать фотографии и писать о мероприятиях в социальных сетях. Это правило подчеркивается в нескольких местах, что указывает на стремление отличать себя от остального общества, где люди фотографируют все, что делают, и активно постят эти фотографии в сети. Далее в правилах говорится, что гости, которых приводят с собой, должны «правильно себя вести».

Я зашла туда очень уверенно и сказала, что меня ждут наверху. До этого я психологически подготовилась, потому что должна была пойти туда одна, мне сказали, что они встретят меня на месте... Мне было немного страшно, потому что у меня не было членской карточки. Я должна была сказать, что встречаюсь с людьми в ресторане. Подруга должна была предупредить на входе, что к ней придут еще люди. Я заранее переделалась, решила собрать все свое мужество и быть суперуверенной, когда приду, чтобы все сразу поняли, что я там не чужой человек. И действительно, со мной были любезны и сразу пропустили.

Полевой дневник, весна 2016 года

Эти заметки отражают работу механизма отличия как классического проявления формирования закрытой среды. Однако сама эта группа, по-видимому, осознавала динамику практик эксклюзивности и стыдилась их. Было очевидно, что из всей компании могли пойти только трое, хотя потенциальных желающих было гораздо больше. Я оказалась единственной, кто туда пошел, но с практической целью вести наблюдение, необходимое для диссертации. Дженни чувствовала потребность в оправдании за то, что она является членом клуба, она подчеркивала, что ходит туда только из-за йоги, а также хорошей и недорогой еды. Это показывает расхождение между поступками (ходить в такие места, иметь членство и т. д.) и неприятием эксклюзивности и внешних ярлыков. Та же самая группа друзей не хотела называться хипстерами, хотя они и одевались, и вели себя соответствующим образом.

Еще одно место с ограниченным доступом, которое я проанализировала, — популярный технобар «Бергхайн», известный своей политикой закрытости. «Бергхайн» ассоциируется с декадансом, гедонизмом и нарушением общественных норм. Как сказал один респондент: «Там ночь становится днем, день — ночью, и все позволено». В клубе нет зеркал или отражающих поверхностей, видимо, для того, чтобы там можно было забыться и потерять собственную идентичность.

«Бергхайн» — один из самых знаменитых и популярных клубов в мире, а не какой-то независимый, неизвестный клуб, который, как кажется, мог бы скорее понравиться хипстерам. Но в этот клуб очень сложно попасть. Мне сказали, что, если я хочу встретиться с хипстерами в неформальной обстановке, «Бергхайн» — великолепный адрес. Я начала опрашивать людей, которых знаю, а они, в свою очередь, — своих знакомых, почему им там так нравится. Полученные ответы меня удивили, потому что они ассоциировались у меня с совершенно другими понятиями: в них никак не упоминался ни гедонизм, ни декаданс, ни свобода, ни даже музыка — хотя «Бергхайн» был знаменит тем, что в нем играли лучшие диджеи мира. Почти все ответы, которые я получила, сводились к одному — чувству единения. Среди них были: «Кажется, словно мы все связаны»; «Это позволяет на время забыть о жестокой реальности мира за пределами бара»; «Все связаны любовью друг к другу и к музыке»; «Там неописуемое чувство единения». Мне показалось, что это подходящее место для того, чтобы заняться включенным наблюдением.

Прежде чем туда отправиться, я посмотрела в интернете, «как туда попасть». В интернете было полно советов, и я забеспокоилась. Я решила последовать одному из советов и надеть черное. В Берлине никогда не прогадаешь, если наденешь черное. Думаю, потому что это не цвет. Мне помогла подруга, у которой парень работает там вышибалой. Она попросила включить меня в список гостей. Я нервничала, но пошла с другом. Нервничала я потому, что туда было ужасно трудно попасть, там была очередь длиной двести метров, хотя дело было в воскресенье после обеда. Я испытала радость победителя, когда прошла мимо очереди и зашла в клуб. Это было приятно. Однако внутри ни с кем поговорить не удалось. Я заговорила с тремя людьми, но они были пьяны либо обкурены, а потому неразговорчивы.

Полевой дневник, лето 2016 года

Хотя эти наблюдения ничего не дали для моих целей, они показали мне процесс преодоления границ в хипстерской среде. Мои размышления о том, как я старалась не привлечь к себе внимание или не вызывать подозрений, которые я записала в дневник, помогают картографировать хипстерство. Момент преодоления препятствия можно сравнить с описываемыми у Парка¹⁵ инцидентами, в которых человек тем или иным образом отклоняется от социального ритуала, вызывая подозрение и выделяясь. Попытки избежать такого рода неудобств были случайными. Рефлексивные заметки представляют особый интерес, потому что показывают мое стремление подстроиться под социальные ритуалы и способы поведения, хотя я знала заранее, что у меня не будет проблем с тем, чтобы попасть внутрь. Я была в списке гостей и знала, что меня в любом случае впустят. Однако когда я читала свои записи по прошествии времени, то увидела, что старалась не вызывать подозрений, не чувствовать себя чужой и не выделяться.

Следующий отрывок из моих размышлений показывает, что хотя я пыталась вписаться в среду путем соблюдения дресс-кода и включения в список гостей, почувствовать «единение», которое описывали респонденты, мне не удалось.

15. Парк Р. Указ. соч.

Не знаю. Кажется, я не очень вписалась туда — только благодаря подруге, хотя и почувствовала себя победительницей, когда прошла мимо очереди. Я не чувствовала единения. Может быть, потому, что не пью и не принимаю наркотики. Я чувствовала себя чужой для всех, хотя все были очень дружелюбны, в хорошем настроении и много улыбались. Большую часть времени я сидела и думала: это же вечер воскресенья, что я здесь делаю?!
Полевой дневник, сентябрь 2016 года

По всей видимости, при формировании закрытой среды должно быть нечто большее, чем просто физический доступ. Очевидно, что проблемы возникают из-за жизненных паттернов, которые не могут быть общими, а не из-за вещей, которые легко принять, например, следование моде. После моего посещения «Бергхайна» я проинтервьюировала работника фейсконтроля, который включил меня в список гостей, и поговорила с ним о политике клуба за чашкой кофе. Он объяснил, что у них своя система пропуска людей. В других клубах проверяют, не слишком ли много наркотиков приняли люди, не слишком ли они молоды или агрессивны. В таком клубе, как «Бергхайн», у вышибалы есть еще одна задача. Помимо того, что делается в классическом клубе, он должен обеспечить «уникальную конфигурацию посетителей в этот вечер».

Он говорил об этом с загадочным видом, используя такие выражения, как «никто не знает, почему тебя пускают», «есть только ощущение», «нельзя точно описать, кого пускать, а кого нет». Он подчеркнул, что одного и того же человека в один вечер могут не впустить, а в другой — впустить. Но клуб был всегда полон, потому что людям там нравилось. И людям там нравилось, именно потому что публика там очень смешанная, но при этом сбалансированная. Я спросила, не является ли чувство единения и общности следствием строгой политики доступа. Он это отрицал.

Необходимо отметить, что эксклюзивную политику и формирование закрытой среды имплицитно, а иногда и эксплицитно критикуют мои респонденты. Но в то же время они участвуют во многих из этих критикуемых ими самими практик. В некоторых случаях это отражается в моментах смущения и неловкости, когда об этом приходится говорить.

Библиография

- Зиммель Г. Мода//Избранное: В 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 1996.
- Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
- Парк Р. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде//Избранные очерки. М.: ИНИОН, 2011.
- Bourdieu P. Die feinen Unterschiede: Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. B.: Suhrkamp, 2012.
- Carroll R. Hipster-bashing in California: Angry Residents Fight Back Against Gentrification//The Guardian. 23.08.2018. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jul/28/california-anti-gentrification-hipster-yuppie>.
- Hertz D.K. Why Do We Continue to Be Surprised by Gentrification?//Belt Magazine. 23.08.2018. URL: <https://beltmag.com/surprised-by-gentrification/>.
- Hyra D. Commentary: Causes and Consequences of Gentrification and the Future of Equitable Development Policy//Cityscape: A Journal of Policy Development and Research. 2016. Vol. 18. № 3. URL: <https://www.jstor.org/stable/26328279>.
- Reckwitz A. Die Erfindung der Kreativität. B.: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 2014.
- Sanson M., Strange D., Garry M. Trigger Warnings Are Trivially Helpful at Reducing Negative Affect, Intrusive Thoughts, and Avoidance//Clinical Psychological Science. 2019. Vol. 7. № 4. P. 778–793.
- White G. The G Word: Gentrification and Its Many Meanings//The Atlantic. 25.05.2015. URL: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2015/05/the-g-word-gentrification-and-its-many-meanings/394016/>.

Tara Semple. Access and Boundaries: Mapping Hipsterism

Tara Semple. Justus Liebig University (JLU), Giessen, Germany, gcsc@gcsc.uni-giessen.de.

The article conducts a critical analysis of the hipster phenomenon from the perspectives of geographic, material, mental, perceived, and socially produced space. The study is based on Henri Lefebvre's triadic model and uncovers contradictions within hipsterism that extend beyond the original model. Lefebvre conceptualized space as a coherent structure containing three moments that determined how space is perceived, conceived, and ultimately lived. However, the author's observations challenge this model, revealing that in hipster spaces, contrary to Lefebvre's model, these dimensions merge inconsistently and incoherently.

The research interaction with hipster space during fieldwork includes participant observation, providing primary sources of perceptions of lived and socially produced dimensions. The direct experience of interacting with its symbolism and order conveyed meaning that was irritating. It expressed certain values that were nevertheless marked by contradictions. Living hipsterism is presented as a realm of contradictions, embodying real and imagined elements, intertwining the materialism of spatial practices with the idealism of space representation.

By reinterpreting field notes, the author reveals the overt contradictions between perceived and "conceived" dimensions of hipsterism. The study of the materiality of space and its interpretation uncovers divergences, demonstrating that idealistic elements in the concept of hipsterism often do not take ma-

terial form. Specific examples are used to elucidate these contradictions, offering a nuanced understanding of how concepts and perceptions of space collide in hipsterism.

The article concludes by examining three practical contradictions related to cultural interaction, the denial of the “hipster” label, and the pursuit of authentic experience in a context not connected to heritage or reality. These contradictions become key components of the dynamics of hipsterism, expressing awareness of issues, including gentrification.

Keywords: *hipsterism; Henri Lefebvre; conceptualization of space; cultural interaction; gentrification; identity; self-identification.*

References

- Bourdieu P. *Die feinen Unterschiede: Kritik der gesellschaftlichen Urteilstkraft*, Berlin, Suhrkamp, 2012.
- Carroll R. Hipster-bashing in California: Angry Residents Fight Back Against Gentrification. *The Guardian*, August 23, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jul/28/california-anti-gentrification-hipster-yuppie>.
- Hertz D.K. Why Do We Continue to Be Surprised by Gentrification? *Belt Magazine*, August 23, 2018. URL: <https://beltmag.com/surprised-by-gentrification/>.
- Hyra D. Commentary: Causes and Consequences of Gentrification and the Future of Equitable Development Policy. *Cityscape: A Journal of Policy Development and Research*, 2016, vol. 18, no. 3. URL: <https://www.jstor.org/stable/26328279>.
- Lefebvre H. *Proizvodstvo prostanstva* [La production de l'espace], Moscow, Strelka Press, 2015.
- Park R. Gorod: predlozheniya po issledovaniyu chelovecheskogo povedeniya v gorodskoi srede [The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment]. *Izbrannye ocherki* [The Selected Essays], Moscow, INION, 2011.
- Reckwitz A. *Die Erfindung der Kreativität*, Berlin, Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 2014.
- Sanson M., Strange D., Garry M. Trigger Warnings Are Trivially Helpful at Reducing Negative Affect, Intrusive Thoughts, and Avoidance. *Clinical Psychological Science*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 778–793.
- Simmel G. *Moda* [Philosophie der Mode]. *Izbrannoe: V 2 t.* [The Selected Works: In 2 vols], vol. 2, Moscow, Yurist, 1996.
- White G. The G Word: Gentrification and Its Many Meanings. *The Atlantic*, May 25, 2015. URL: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2015/05/the-g-word-gentrification-and-its-many-meanings/394016/>.